

КУЛЬТУРОЛОГИЯ**ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ****СЕМИОЗИС КОРОЛЕВСКОЙ ВЛАСТИ В КУЛЬТУРЕ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
ОТ МИМЕСИСА К КАРНАВАЛУ***Санников Сергей Викторович*

*канд. ист. наук, профессор кафедры международных отношений
Сибирского института международных отношений и регионоведения,
630078, Россия, г. Новосибирск, ул. Ватутина 17/1
E-mail: sannikov_s@ngs.ru*

SEMIOSIS OF KINGSHIP IN EARLY MEDIEVAL CULTURE: FROM MIMESIS TO CARNIVAL*Sergey Sannikov*

*candidate of Historical Sciences, professor of Siberian Institute of International Relations and Regional Studies,
chair of International relations,
630078, Russia, Novosibirsk, Vatutina St., 17/1*

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются семиотические алгоритмы репрезентации королевской власти в европейской культуре от периода мифологической древности до завершения эпохи раннего средневековья. Рецепция знаковых конструкций, связанных с осуществлением политической власти, рассматривается с точки зрения флуктуаций семиосферы.

ABSTRACT

The article focuses semiotic algorithms of representation of kingship in European culture from the period of mythological antiquity to the end of Early Medieval time. Reception of sign constructions related to implementation of political power are considered in context of the fluctuations of semiosphere.

Ключевые слова: семиотика; королевская власть; имагология; образ власти; семиотика власти; политический миф; мимесис; карнавальная культура.

Keywords: semiotics; kingship; imagology; image of power; semiotics of power; political myth; mimesis; carnival culture.

Королевская власть эпохи раннего средневековья Западной Европы представляет собой один из наиболее загадочных феноменов в истории культуры. Сведения о периоде формирования рассматриваемого института весьма фрагментарны и противоречивы: в раннесредневековой литературе выделяется, как минимум, три концептуальных подхода к интерпретации процесса становления ранних форм королевской власти. Первый подход связан с формированием идеологической основы «варварских» монархий, претендовавших в разные периоды истории на европейскую гегемонию, и нуждавшихся в формировании соответствующей политической идеологии. Так, при остготском короле Теодорихе Амале была начата разработка концепции преемственности королевской

власти от эпохи легендарной древности до формирования готско-римского королевства в Италии, а также предпринята попытка интеграции мифологической истории правящего рода остготов в мировую историю. Санкционированное Теодорихом историческое произведение Флавия Кассиодора, содержательная часть которого в самых общих чертах реконструируется на основании работы Иордана, является, фактически, первым историческим источником, в котором прослеживается идея о преемственности королевской власти у германских народов, начиная с древнейшего периода их истории до эпохи раннего средневековья. Краткий период правления «приматов и вождей» (*primates et duces*) вестготов, связан-

ный с эпохой переселения, сменяется восстановлением легитимной власти представителей древних королевских родов.

Франкский мифологический цикл (Псевдо-Фредегар, частично также «Книга истории франков») возводит королевскую власть у франков к мифологическим античным правителям, повествует о периоде правления вождей (*duces* или *principes*), замещающих королей в период переселений и войн, а затем сообщает о восстановлении королевской власти через избрание королей (*reges*) «как у других народов» («Книга истории франков»).

Второй подход представлен в работах ряда средневековых авторов, которые придерживаются точки зрения о том, что древнейшей формой организации власти у германских народов являлась именно власть «вождей» (*duces*), сменяемая впоследствии властью «королей» (*reges*). Данной концепции, в той или иной степени, придерживаются Григорий Турский, Павел Диакон, Исидор Севильский, Видукинд Корвейский. Согласно свидетельству Исидора Севильского, «на протяжении многих веков» готами «правили сначала вожди, а затем цари (*per multa quippe retro saecula ducibus usi sunt, postea regibus*)» [9, 268]. Необходимо отметить, что в силу своей универсальности рассматриваемый историографический подход носит весьма противоречивый характер в силу того, что расхожее латинское понятие *dux* выступает в данном случае в качестве обозначения различных форм власти, отличающихся в каких-либо аспектах от современной авторам формы монархического правления. В произведении Павла Диакона также содержится указание на избрание лангобардами королей по примеру «других народов» (*regem sibi ad ceterarum instar gentium statuerunt*), что наводит на мысль о библейской аналогии с избранием царей народом Израиля.

Третий подход представлен в периферийных источниках, выходящих за рамки позднеантичной историографической традиции, и имеющих определенную связь со скандинавским эпосом. Так, в произведении, известном под названием «*Origo gentis langobardorum*», прослеживается дифференциация титулатуры легендарных предводителей народа лангобардов эпохи переселения из Скандинавии Ибора и Агио (*principes*) и вождей (*duces*) иных германских племен. Автор последовательно употребляет в отношении названных правителей лангобардов термин *principes*, как бы противопоставляя их военным вождям вандалов (*duces*), и подчеркивая тем самым специфический характер власти данных лидеров, исполнявших, судя по всему, определенные жреческие функции.

К данной группе источников можно отнести и произведение Саксона Грамматика «Деяния датчан» (*Gesta Danorum*), в тексте которого легендарные правители древности получают наименование *rectores*, с указанием на отсутствие у них королевского титула: «Хотя им (Дану и Ангулю) было позволено для блага отечества получить королевскую власть (*regni dominio*), согласно единогласному волеизъявлению жителей, за их деяния, высокую доблесть и заслуги, жить, однако же, им приходилось без имени королей, использование которого в отношении властей не

имело распространения среди нашего народа в то время» (перевод мой – С.С.). Короли же (*reges*) датчан являются, согласно мнению Саксона Грамматика, потомками одного из этих братьев – легендарного правителя Дана.

Несколько иную интерпретацию можно обнаружить в тексте «Саги об Инглингах» (*Ynglinga saga*) Снорри Стурлусона, в которой автор интегрирует в эвгемерической манере потестарные скандинавские мифы, повествующие о становлении власти богов в качестве первых правителей скандинавских стран. Особенная ценность данного произведения состоит в том, что автор не связан латинской лексикой, имея возможность использовать для обозначения правителей германские титулы, известные ему, по всей видимости, из скальдической поэзии. В указанном источнике содержится своеобразный синтез сведений «Перечня Инглингов» (*Ynglingatal*) и эддической «Песни о Риге» (*Rígsþula*), в сам текст в результате весьма интересным образом перекликается с повествованием Саксона Грамматика. Согласно версии Снорри Стурлусона, первым среди датчан титул «конунга» приобрел мифический Риг (персонаж упомянутой «Песни о Риге»), потомки которого «с тех пор всегда считали звание конунга самым высоким» (*hans ættmenn höfðu ávalt síðan konungsnafn fyrir hit æzta tignarnaftn*). Правнук Рига по имени Дюгви «был первым из своих родичей назван конунгом. До этого они назывались «дроттины», а жены их – «дроттинги» (*Dyggvi var fyrstr konungr kallaðr sinna ættmanna; en áðr váru þeir dróttnar kallaðir, en konur þeirra dróttningar, en drótt hirðsveitin*). Каждый из них назывался также Ингви или Ингуни, а все они вместе – Инглингами. Дротт (мать Дюгви – С.С.) была сестрой конунга Дана Гордого, по которому названа Дания» [8]. Власть упомянутых «дроттинов» восходит, согласно повествованию Снорри Стурлусона, к мифологическим установлениям Одина, который после прихода в Швецию наделил верховных жрецов обширными полномочиями по управлению различными регионами этой страны. По всей видимости, речь идет о сакральной власти правителя-жреца, обеспечивающего прорицание права, защиту земли и плодородие почвы. Приходящие на смену «дроттинам» короли («конунги») в повествовании Снорри Стурлусона напоминают скорее успешных военных вождей и грабителей, участвующих в непрестанных войнах и столкновениях.

В скандинавской потестарно-мифологической традиции правители рассматриваются в качестве потомков божественных прародителей, и генеалогическая карта Скандинавии, вероятно, во многом отражает представления о различных путях политогенеза. Согласно эвгемерической концепции Снорри Стурлусона, Швецией правят потомки мифологических ванов – Инглинги, род которых восходит к божествам плодородия Ньёрду и Фрейру, в то время как датские земли получили правителей из рода Скъьльдунгов – потомков мифологического прародителя народа асов Одина. Вероятно, именно в Скандинавии в силу объективных причин, связанных с удаленностью данной территории от геополитических центров

Евразии, дольше сохранялась связь институтов публичной власти со сферой сакрально-правовых полномочий. Подтверждением этому может служить развитие институтов власти в Исландии, которое, вероятно, имитировало скандинавские традиции, предшествовавшие эпохе конунгов – там влиятельные руководители округов, председательствовавшие на тингах, как правило, являлись при этом также и религиозными лидерами, жрецами (годи), обеспечивавшими содержание соответствующих языческих святилищ и проведение обрядов, связанных с сакральным отправлением правосудия.

Подобная связь институтов публичной власти и религии, по всей видимости, сохранялась в течение значительного времени и на территориях, управляемых конунгами из рода мифологических потомков Одина – образ этого бога-колдуна предполагал тайное знание рун, заклинаний и магических обрядов, приносивших победу в битвах и власть. Не исключено, что занятие традиционными женскими обрядами колдовства, навлекшее на Одина весьма тяжкие обвинения со стороны его мифологического антагониста Локи, имело и определенную связь с упомянутым Прокопием Кесарийским обвинением со стороны дружинников в женоподобии короля герулов Родульфа или длинными волосами правящего франкского рода Мервингов.

Правитель как сын божества должен был обеспечивать своему народу сакральную защиту, которая неоднократно упоминается даже в произведении христианского автора Григория Турского (например, король салических франков Хлодвиг обращается к народу рипуарских франков в связи со смертью их короля с предложением следующего содержания: «Но раз уж так случилось, вот вам мой совет, которому, если вам угодно, последуйте; обратитесь ко мне, чтобы быть под моей защитой» [2, 58]). Представление о верховном правителе как о защитнике является глубоко укорененным в традиционном сознании, на что указывает такое образное название правителя, содержащееся в архаической англосаксонской лексике, как «защитник народа» (*folces hyrde*). В мифологическом эпосе архетип «защитника» прослеживается, например, в образе бога Одина как эвгемерического дроттина Швеции, который должен был «защищать страну и приносить жертвы за урожайный год» [5, 15].

Наделенный сакральной харизмой защитник связан с землей космологическим мифом, а его тело обладает признаками бестиальности, указывающими на связь с пограничным миром оборотней и чудовищ. Семиотика власти на данном этапе носит глубоко физиологичный характер – роль знаков власти исполняют различные аспекты тела правителя, как врожденные, так и приобретенные в результате определенных ритуальных практик. Тело правителя наделено своеобразным иммунитетом от физиологической нормы, а возвращение его в пространство обыденного разрушает магию власти, что подтверждает сильный характер семиотического признака – власть не может быть отделена от тела правителя, так же, как волосы не могут быть острижены без утраты их

магической функции. Прорыв физиологического оказывается возможен только путем семиотической редукции, ослабления биологической релевантности власти. Окружение ожидает от лидера военных побед, материальных благ, плодородия земли, что сопровождается возрастающей потребностью в репликации знака, возможности ослабления его физиологической релевантности. На данном этапе эволюции института публичной власти проявляются признаки операционности знака – как правило, в форме представлений о передаче харизмы через вещи правителя, передаваемые в рамках символической редистрибуции.

«Стадией зеркала» (в терминологии Ж. Лакана) раннего детства германского этноса становится столкновение северогерманских племен с цивилизациями средиземноморья на рубеже II-I вв. до н.э. Осознание собственной субъектности приходит вместе с противопоставлением себя носителям иной культуры и представителям иной семиосферы. Взаимопроникновение семиосфер порождает культурный взрыв, волны которого до основания сотрясают устои традиционного германского общества. Белокурые варвары попадают в состав вспомогательных римских войск и делают успешную военную карьеру, германская «золотая молодежь» воспитывается при императорском дворе и получает классического римское образование, воспринимая ценности и хабитус элитарного римского общества. Латинский язык не просто влияет на сознание этих людей, они всецело поглощаются имперским дискурсом, получая римское имя и делаясь частью императорской фамилии. В рассматриваемый период власть как вирус распространяется в германском обществе. Характерно, что ни одно из средневековых произведений не называет иные факторы эволюции потестарных институтов в древнегерманских обществах, помимо стремления жить подобно «другим народам».

Непреодолимая сила мимесиса порождает потоки знаков, игра которых воспроизводит отношения власти. «Принцип подражания-заражения лежит в основе многих влиятельных и оригинальных концепций «массового общества» (Э. Канетти, З. Кракауэр). То, что называют массой, формируется на основе отношений заражения-подражания в определенные кризисные этапы развития общества. Э. Эрикссон называет их глобальным кризисом идентичности (для которого характерно падение или полная утрата прежних духовных и социально значимых ценностей, образцов поведения). Социальный опыт массы (массовых движений) – это всегда опыт регрессивный, скорее эпидемический: человек массы не выбирает, а заражается энергией массовых настроений, провоцируемый любым поводом к действиям, чьи последствия он не в силах предугадать» [4]. Земли Германии наполняются многочисленными имитациями имперской символики, знаки власти проникают в быт, повседневность, моду, многообразные отношения престижа. Мужские медальоны и женские брактеаты имитируют лики римских правителей, а руноподобные символы рядом с изображениями – латинские надписи. Насыпанные в память о знатных

людях курганы своей вертикальной синтактикой изоморфны античным мавзолеям.

Земли языческого Севера перестают прельщать героев своей аскетичной красотой и неприступностью. Экспансия римской империи опустошает знаковые формы «варваров», ввергая все новые территории в циркуляцию продуктов античной семиосферы. Как отмечает Снорри Стурлусон, «в те времена правители римлян ходили походами по всему миру и покоряли себе все народы, и многие правители бежали тогда из своих владений» [5, 12]. Комплекс противоречивых чувств и эмоций, провоцируемый богатством и могуществом Римской империи, воплощается в образе дракона, охраняющего несметные богатства, обладатель которых испытывает на себе действие древнего проклятия. Нарушение социального баланса приводит к ответному движению маятника, влекущего сотни военных дружин к римской границе в поисках заветных богатств, свозимых в Вечный город на протяжении его кровавой истории.

Эпоха Великого переселения, традиционно датируемая периодом со II по VII вв. н.э. (от маркоманских войн до славянских миграций), является лишь одним из наиболее заметных эпизодов перманентных перемещений представителей «варварской» периферии, вторгавшихся на территорию геополитического ядра античной мир-системы. Выступления германских племен под предводительством Байорига, Ариовиста, Берига, Ибора, Агио и многих других персонажей античной истории и германского исторического эпоса открывают эту малоизученную страницу истории североевропейских «варварских» народов. После завершения германских войн Октавиана Агуста ощутимый урон единству республики наносят маркоманы, которые прорывают лимес и угрожают отторгнуть рейнско-дунайские регионы. Начиная с III столетия саксы прощупывают почву Британии. Алеманны вторгаются в декуматские поля и впервые после поражения Публия Квинтилия Вара в зарейнской Германии отторгают территорию римской империи. Готы занимают Дакию и вторгаются в балканские провинции.

Эпоха Великого переселения актуализирует новые архетипы власти – правитель нередко предстает в источниках как герой, предводитель народа, военный вождь или даже деспот. По всей видимости, миграции племен, сопровождавшиеся в силу объективных причин акцентуализацией военного элемента общественной организации, приводят к тому, что правитель становится лидером народа (*gens*), отождествляемого с войском (*exercitum*). В описании общественного устройства германцев, выполненного Юлием Цезарем, упоминается о том, что германцы, не имеющие в мирное время общего правителя, избирают в случае войны военных предводителей всего народа, имеющих право распоряжаться «жизнью и смертью» (*vitae necisque*). Данное свидетельство находит подтверждение в произведении Видукинда Корвейского, который сообщает, что саксы, в случае, когда «возникает опасность общей войны», «бросив жребий, избирают того, кому должны подчиняться все, чтобы не дробить руководства войной. Когда

[война] проходит, каждый [народ] живет на равном [с другими] праве и по одинаковому [с другими] закону, довольствуясь собственной властью» [1, 135]. Ф. Энгельс высказал предположение о том, что «готы уже в IV веке имели особое слово для короля последующего времени, военачальника своего народа: *thiudans*» [3, 127] (несколько иная трактовка была предложена Х.А. Майерсом и Х. Вольфрамом, полагавшими, что *thiudans* – вышедший из употребления термин, обозначающий сакральную власть короля-жреца, однако, представляется, что готский титул *thiudans* (англ. *Theoden, theod-cyning*) все же присваивался избираемому военному лидеру, который становился в эпоху Великого переселения народов фактическим правителем всего народа.

Разрушение уклада традиционного общества сопровождается нарушением многих этнических границ, включением большого количества племен в состав новых *gentes*. Клятвы верности, являвшиеся у германцев важным источником взаимных обязательств военных вождей еще в эпоху Тацита, становятся одним из семиотических факторов интеграции политического социума, объединяя представителей различных культур и народов. Германский король становится носителем исключительных прав, связанных с личной присягой верности представителей многих племен, объединенных уже не единством происхождения, а отношениями личной преданности правителю. Если в древние времена память о земле, некогда породившей народ, хранилась в форме генеалогического мифа, то в эпоху переселений она трансформируется в генеалогические стихотворные тулы, повествующие о передаче власти от короля к королю в ходе странствий народа в поисках его новой родины.

Военные столкновения, переменчивая Фортуна, голод и лишения становятся постоянными спутниками германских переселенцев. Утрачивающие связь с землей и древними богами войны оказываются в пограничной ситуации выживания, нередко сопровождающейся глубоким кризисом идентичности. В данный период они сталкиваются с беспрецедентными вызовами в пространстве семиосферы. Волны геокультурных процессов ядра мир-системы затрагивают и провинциальную полупериферию, где среди германских переселенцев разносится благая весть о скором приходе Спасителя. Отвергнутые в столичных центрах империи проповедники арианского исповедания находят свою паству в степях Причерноморья. Многие германцы охотно принимают новую религию римской ойкумены, воплощавшую идею власти и могущества, религию древних царей и великих императоров.

Приобретенный благодаря тяжелой военной службе статус союзников-федератов становится прологом к основанию германских королевств на территориях, подконтрольных Римской империи. Подобно мифологическим героям, варвары поступают на службу влиятельных «римских королей» (*reges romanorum*) и испытывают свою удачу и судьбу в исполнении тяжелых военных миссий. Древний принцип управления римскими владениями *divide et impera*

становится критическим алгоритмом римской провинциальной политики IV-V вв. Перемещения варваров приводят к поистине катастрофическим последствиям. Попытки отеснить наиболее воинственные племена в пограничные и проблемные территории не приводят к успеху и завершаются разграблением Рима и похищением членов императорской семьи.

«Варварские королевства», образующиеся на обломках римских провинций, весьма быстро сбрасывают с себя обременительный федеративный статус зависимых территорий. Систематические изменения, имевшие место со стороны германских королей, а затем и открытое вступление германцев в противостояние с Римом, демонстрируют тот факт, что «варварские» правители перестают считаться с императором как своим патроном, рассматривая отношения с римской державой, в лучшем случае, как партнерские. Король вандалов сватает своего сына к императорской дочери, а после гибели императора принимает покровительство над его супругой и выступает в роли защитника интересов императорской фамилии. Империя становится объектом притязаний и полем игры престолов новых «варварских» самодержцев. Каждое королевство, при этом, претендует на то, чтобы стать единственным легитимным преемником величия исчезающей на западе империи. С этой целью короли нередко стремятся получить статус патриция или консула, но, даже в случае неудачи, без каких-либо последствий присваивают себе имя Августа или Флавия. Символический капитал активно привлекается в противостоянии между конкурирующими лидерами германских народов, и многие по-прежнему стремятся включиться в карнавальную роль проводника интересов восточной части империи, выступая в публично-правовом пространстве в качестве борцов с тиранами и узурпаторами, к числу которых их самих впоследствии причислят византийские историки.

Модернизация римского мифа становится одной из ключевых идеологических задач интеллектуальной элиты новых этнополитических образований. Королевская власть нуждается в новой прочной опоре, взамен утраченного родства с языческими богами плодородия и войны. Источником вдохновения становится библейская и античная литература с ее богатой мифологической традицией и героическим эпосом. Великие конунги прошлого ведут свой род от эвгемерических персонажей германских мифов или от троянских героев. При этом даже в наиболее романизованном королевстве остготов отмечаются противоречивые тенденции, связанные с диалектикой власти-знания и варварского «дискурса господина». Психосемиотические игры власти выстраиваются вокруг иерархии знаковых систем от невербальных знаков межличностной коммуникации до интегративных знаковых пространств науки и искусства. В системе литературных языковых кодов латынь вытесняет альтернативные языковые системы, а прозаическая форма текста вытесняет стихотворную. Героические песни продолжают исполняться при королевском дворе вплоть до эпохи высокого

средневековья, но они утрачивают доксологическую релевантность и становятся элементом королевского досуга. В семиозисе власти архетип Героя становится делом дружинника, но не короля. Время «короля-воина» уходит в прошлое, так же, как в свое время в прошлое ушла эпоха «короля-жреца».

В муках деконструкции дискурса древнегерманских традиций уродливым отпрыском рождается императорская власть Каролингов. Приближенный к трону идеолог «Каролингского Возрождения» Эйнхард в своем жизнеописании Карла Великого осуществляет карнавальное шельмование власти свергнутого рода потомков легендарного Меровея. В соответствии с алгоритмом семиотической мены верха и низа происходит профанация означаемого при сохранении означющего – длинные волосы Меровингов, служившие указанием на сакральную исключительность правящего рода, в работе Эйнхарда предстают в категориях упадка и ничтожности власти: «Может показаться, что род [Меровингов] пришел к своему концу во время правления Хильдерика, однако уже давно в роду том не было никакой жизненной силы, и ничего замечательного, кроме пустого царского звания... Ничего иного не оставалось королю, как, довольствуясь царским именем, сидеть на троне с длинными волосами, ниспадающей бородой и приняв вид правящего...» [6]. Одно из самых тяжких с точки зрения германского права преступлений – заговор против своего глафорда – становится карнавальным свержением шутовского короля и одновременно уродливым родовым пятном новой королевской династии, подобным проклятию братоубийства, которое навсегда запятнало род Инглингов.

Многовековая ситуация потестарного мимесиса, имитации императорской власти со стороны германских королей, начавшаяся с момента захвата первых трофеев с имперской символикой, оказывается преодоленной на рубеже VIII и IX веков – новый император становится в восприятии соплеменников столь же великим, как и бывший патрон «варварских» королей – император Византии. Мимесис завершился семиотическим переворотом, когда на императорский трон воссел принявший корону *subregulus*, представитель даже не королевского рода, а получивший соответствующую ординацию римской церкви *princeps francorum*. Волей судьбы исключительная роль достается политическому лидеру франков, хотя в разные периоды истории на эту роль претендовали короли вандалов, готов, лангобардов и других германских народов. Представление германцев о том, что «кесарь – это именнейший из конунгов (*æðstr konunga*)» [7] теперь в полной мере реализуется в сменяющихся одна другую «варварских» империях запада. Фактически, вступление на престол императора франков знаменовало окончание древних традиций королевской власти эпохи раннего средневековья и стало завершением процесса перемещения функции структурного ядра семиосферы на периферию предшествующего этапа, с последующим превращением бывшего центра в периферию.

Список литературы:

1. Видукинд Корвейский. Деяния саксов. М.: Наука, 1975. – 272 с.
2. Григорий Турский. История франков / Изд. подгот. В.Д. Савукова; Отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Наука, 1987. – 462 с.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Полное собрание сочинений. Т.21. М., 1961. – 746 с.
4. Подорога В.А. Мимесис. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH0178ce623d380e6f7f161178> (дата обращения: 10.01.2017)
5. Снорри Стурлусон. Круг Земной. Heimskringla / Ответственный редактор: М. Стеблин-Каменский. Издание подготовили: А. Гуревич, Ю. Кузьменко, О. Смирницкая, М. Стеблин-Каменский. – М.: Издательство «Наука», 1980. – 687 с.
6. Эйнхард. Жизнь Карла Великого. Перевод с лат. М.С. Петровой // Историки эпохи Каролингов / Отв. редактор А.И. Сидоров. М.: РОССПЭН, 1999. С. 7-34.
7. Edda Snorra Sturlusonar. Skaldskaparmal. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <http://www.voluspa.org/skaldskaparmal61-70.htm> (дата обращения: 10.01.2017).
8. Heimskringla Snorra Sturlusonar. Ynglinga Saga. / [Электронный ресурс]. - Режим доступа: URL: <https://www.snerpa.is/net/snorri/yngl-sag.htm> (дата обращения: 10.01.2017)
9. Monumenta Germaniae Historica. Auctores antiquissimi, 11. Berlin, 1894. – 506 с.